

Ваккернагель и не Ваккернагель: к типологии цепочек клитикообразных элементов разных позиций (на материале языков Евразии)

Представление о сентенциальных клитиках и их цепочках в традиции лингвистической типологии связано, прежде всего, с т. н. «ваккернагелевскими клитиками», или клитиками второй позиции, и, во вторую очередь, с «приглагольными» клитиками — т. е. клитиками, находящимися в непосредственном контакте с глагольной словоформой. Изучение обоих типов цепочек клитик долгое время ограничивалось материалом индоевропейских языков, и лишь в последние десятилетия в типологические исследования был включён материал языков других семей, ср. Anderson (2004), Zimmerling (2013). В то же время, нередко приходится сталкиваться с не вполне осознанной убеждёностью лингвистов в том, что именно этими позициями и ограничивается весь возможный спектр, ср. Haspelmath (2015: 284).

Осознавая всю проблематичность понятия «клитики» как типологического концепта (Haspelmath, 2015), я предлагаю более широкий взгляд на типологию клитикообразных элементов, собирающихся в цепочки, ограничиваясь, впрочем, материалом языков Евразии на настоящем этапе работы. Кроме хорошо изученных второй и приглагольной позиций, цепочки грамматических/прагматических элементов сентенциального уровня встречаются и в других позициях, которые хорошо выделяются для множества языков и являются сопоставимыми на межъязыковом уровне.

Можно выделить несколько таких позиций. Так, в значительной части языков Евразии, прежде всего, Ю.-В., В. и С.-В. Азии, цепочки, включающие модальные и др. частицы, но также, к примеру, и показатели субъектного и объектного согласования, последовательно употребляются в конце предложения, высказывания или клаузы (в зависимости от языка). Отмечу, что конечная позиция цепочек клитикообразных элементов в этих языках не коррелирует с основной позицией глагола или другого предикативного элемента (конечной или не конечной). В то же время, набор функций, характерный для элементов таких конечных цепочек, в значительной степени пересекается с типичными функциями ваккернагелевских элементов, но не полностью совпадает с ним. Как для ваккернагелевских, так и для конечных элементов характерно выражение иллокутивной силы, эпистемической модальности, эвиденциальности, логической привязки к предыдущему фрагменту дискурса, миративности, субъектного и объектного согласования. Характерными для конечных, но не характерными для ваккернагелевских цепочек оказывается наличие показателей отношения говорящего к собеседнику и привлечения внимания последнего (адрессивности).

К характерным для языков Евразии позициям цепочек клитикообразных элементов относятся также начальные цепочки, встречающиеся, главным образом, в семитских, кельтских и анатолийских языках, более маргинально — в славянских, балтийских и финно-угорских. Набор функций цепочек этой позиции также во многом схож с вышеперечисленным. Особенностью первой позиции является то, что функциональной доминантой в ней оказываются показатели логической привязки к предыдущему фрагменту дискурса, хотя прочие функции также хорошо представлены; цепочки этой позиции в среднем короче ваккернагелевских и конечных.

Достаточно трудно «локализовать» цепочки модальных частиц западногерманских и скандинавских языков, т. к. их позиция в значительной степени завязана на специфически западногерманскую и скандинавскую «топологию» предложения (Ср. напр. Циммерлинг, 2001), поэтому эта позиция трудно сопоставима с позициями цепочек в других языках, порядок слов в которых кодирует, прежде всего, коммуникативную структуру. Тем не менее, набор функций, характерных для подобных элементов германских языков, вполне сопоставим с обсуждавшимся выше набором.

Наконец, в значительной части финно-угорских языков РФ и в русском языке наблюдается относительная подвижность цепочек сентенциальных частиц и их частей (но не обязательный) разрыв, несводимый к формальным правилам вроде «правила барьера»

(Зализняк, 2008). Как и в предыдущих случаях, набор типичных функций элементов цепочек такого рода имеет и пересечения с предыдущими, и отличия от них; отличия касаются, прежде всего, отсутствия выражения показателей субъектного и объектного согласования.

В докладе также показывается, что на евразийском континенте типичные позиции цепочек клитикообразных элементов имеют ярко выраженную (макро)ареальную природу, хотя у ареального принципа есть исключения.

Исследование выполнено на базе грамматических описаний и специальных работ о частицах и клитиках различных языков, а также на основе полевых исследований автора. В выборку входят около 70 языков Евразии.

Создание типологии состава цепочек клитикообразных элементов и корреляции между позициями и типичными наборами функций является основной целью исследования, предварительные, результаты которого будут представлены в докладе.

Библиграфия

- Зализняк А. А. (2008), Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур.
- Циммерлинг, А. В., (2002), Типологический синтаксис скандинавских языков. М.: Языки славянской культуры.
- Циммерлинг, А. В. (2013), Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М.: Языки славянской культуры.
- Anderson, S. (2005), Aspects of the Theory of Clitics. Oxford: Oxford University Press.
- Haspelmath, M. (2015), Defining vs diagnosing linguistic categories: a case study of clitic phenomena. In: Błaszczak, Joanna & Klimek-Jankowska, Dorota & Migdalski, Krzysztof (eds.) How categorical are categories? Berlin: De Gruyter Mouton: 273-307.